

ницы, в страхе чудится всемогущей силе, от непостижимых судеб премудрости его оцепеневают, неизреченную благодать превозносит, пред величием его благоговеет: в них все хвалит господа и хвалится само своим преверьховным содетелем и царем. Словом, в псалмах единственный и точный есть образ превосходных и прекрасных пиитических изображений, сердце, душу и ум в преестественный некий восторг поревающих и восхищающих. Кто ж, разве бесчувственный человек не возлюбил псалмов? Итак, пламень горящий к псалмам во внутренности моей, почел я за некоторое тайное мне побуждение к сему преложения делу, а почетши так и преложил, при божием поспешествовании, все псалмы лирическим стихом, как-то уже в сей книге явно» (л. 4).

Что же касается Ломоносова и его переложений псалмов, то о них Тредиаковский едва упоминает. Его привлекала грандиозная поэтическая задача — переложить всю «Псалтырь» современными стихами, дать ее в стихотворном виде новому поколению читателей. Подходя с критерием такого величественного замысла, Тредиаковский и мог позволить себе пренебрежительно отнестись к переложениям псалмов, сделанным его соперником. Возможно, что Ломоносова, а заодно и Сумарокова, Тредиаковский имел в виду в другом месте своего «Предуведомления»: «Пятая (причина, — И. С.) и последняя, которая едва ли не действительнейшая всех прочих, именно ж: доказать бы многим, кои, углубляясь в Пиндаров и Анакреонтов, не мнят уже, нигде быть подобной высоте и сладости, что языческое оное и светское велелепие в песенных слогах, есть токмо тень, или еще и та, божияго и небесного гласа, в Давидовых псалмах гремящего» (л. 4 об).

Таким образом, можно утверждать, что традиция переложения псалмов, именно по примеру Симеона Полоцкого, не отдельных псалмов, а всей «Псалтыри», в ее поэтической законченности и единстве вновь возродилась во второй половине XVIII в., в творчестве крупнейших поэтов, создателей новой русской литературы. В этой традиции Сумароков действует вполне солидарно с Тредиаковским, настойчиво и тщательно работая над переложением псалмов в течение 20 лет. Итогом его работы над псалмами явились три сборника, изданные вместе, хотя и с разной пагинацией, в 1774 г.: «Стихотворения духовные», «Некоторые духовные сочинения», «Дополнение к духовным стихотворениям».

Принципы своей работы над переложением псалмов Сумароков изложил в «Послесловии» к «Дополнению к духовным стихотворениям»: «Некоторые мои стихотворные переложения псалмов только из части содержания псаломного состоят, или часть только псалма взята, и потому надписи над ними я так и положил, что они не псалмы, но из псалмов, не взирая на то, что точность во многих, и по большей части против еврейского подлинника крайне наблюдаена. А некоторое малое количество псалмов строками только переведено».³⁰

В переложениях псалмов Сумарокова одновременно сосуществуют две тенденции: вольного и текстуального переложения. Он перелагает иногда очень вольно, соединяет мотивы двух-трех псалмов в одном стихотворении («Из 3—16—63 псалмов», «Из 115—116 псалмов»), и все вообще его переложения называются не «перафразис» и не «переложение», а «Из псалма такого-то»:

Часть же сумароковских переложений имеет такой подзаголовок: «Точно как на еврейском языке» («Из 46-го псалма», «Из 59-го псалма»,

³⁰ [А. П. Сумароков]. Дополнение к духовным стихотворениям. СПб., 1774, стр. 48—49.